Сень Д. В.
(Ростов-на-Дону)

УДК 94 (470.62)

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШПИОНОВ АТАМАНА И. НЕКРАСОВА НА ТЕРРИТОРИИ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
(1708 г. – 1720-е гг.). Часть 1**

Исследуются причины, формы и способы отправки с территории Кубани, входившей в состав Крымского ханства, шпионов, чья «подрывная» деятельность чаще всего направлялась атаманом Игнатом Некрасовым. Впервые в науке системно анализируются задачи, ставившиеся этим некрасовским шпионам, а также условия, как способствовавшие, так и препятствовавшие их выполнению. В ходе достижения цели и задач использованы общенаучные и специальные исторические методы. Статья основана на письменных исторических источниках XVIII в. из нескольких федеральных и региональных архивов России. В работе уделено внимание географии «подрывной» деятельности таких людей, анализу их состава и особенностям подготовки для выполнения задач, не всегда связанных со сбором разведывательной информации на территории России. Были выявлены и изучены, кроме того, реакции различных категорий российских подданных, общавшихся со шпионами Игната Некрасова, в т. ч. уходивших на Кубань по их «подговорам». Системно проанализированы многочисленные розыскные, в т. ч. профилактические, мероприятия российских властей, направленные на пресечение/предотвращение деятельности некрасовских шпионов, а также на их поимку и организацию допросов.

Ключевые слова: Войско Донское, допросы, казаки-некрасовцы, Крымское ханство, пограничье, расспросные речи, Российское государство, шпионы.

The author investigates the reasons, forms and methods of sending spies from the territory of the Kuban, part of the Crimean Khanate. The spies "subversive" activities were most often directed by the ataman Ignat Nekrasov. For the first time in academic literature, the author systematically analyzes the tasks assigned to these Nekrasov's spies, as well as the conditions that both facilitated and hindered their implementation. Achieving the goal and objectives of this article, general investigative and special historical methods are used. The article is based on written historical sources of XVIII c. from several Russian federal and regional archives. The paper focuses on the geography of the "subversive" activities of such people, their composition and the peculiarities of training to perform tasks that are not always associated with the collection of intelligence information on the territory of Russia. In addition, the reactions of various categories of Russian citizen who communicated with the Ignat Nekrasov's spies are identified and studied. Numerous search activities and preventive measures of the Russian authorities aimed at suppressing / preventing the activities of the Nekrasov's spies, as well as at their capture and organization of interrogations are systematically analyzed.

Keywords: Don Cossack Host, interrogations, Nekrasov Cossacks, Crimean Khanate, borderland, interrogative speeches, Russian state, spies.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-28-3-82-93

Тема статьи не являлась объектом специального изучения в предшествующей историографии. Вместе с тем, ее отдельные аспекты освещались при обращении ученых к первым годам пребывания казаков-

некрасовцев на Кубани (после отступления с Дона в августе 1708 г.), к истории их непростой адаптации в данном регионе (включая анализ новых условий жизни и подданства), к их участию в военных кампаниях Крымского ханства, а также к истории сманивания некрасовцами российских подданных [5, с. 65-68; 6, с. 166-167; 24, с. 87-92; 7, с. 24; 1, с. 15-16]. Об этих «агентах» (шпионах/шпиках) атамана И. Некрасова еще в 1899 г. образно высказался И. И. Дмитренко: «Их не страшили прикубанские степи, наполненные враждебными племенами, их не страшили суровые зимы на Дону и дальний путь, как их не страшили строгие кары правосудия и застенки воронежской канцелярии и виселица» [5, с. 66]. Соглашаясь с такой *общей* оценкой, замечу, что деятельность некрасовских шпионов не была «хаотичной», либо случайной; их пути и цели предполагали, по большей части, выполнение заданий и *возвращение* на Кубань. Расширение исследовательского внимания к заявленной теме необходимо по нескольким основаниям:

– борьба с некрасовскими шпионами занимала важное место в мероприятиях российских властей различного уровня, включая высшие, центральные и местные органы; о состоянии указанной проблемы и попытках ее решения регулярно информировался царь Петр I. Решение властями т.н. некрасовского вопроса оказалось связано не только с попытками добиться выдачи казаков-некрасовцев с Кубани как «воров» и «изменников» – участников Булавинского выступления, но и с их *системным* преследованием. Оказывается, эти казаки сумели создать для России несколько крупных проблем военно-политического характера, отнимавших у царских администраторов немало времени и ресурсов;

– тема некрасовских шпионов органично вписывается в пространство более обширной темы, связанной с многочисленными контактами некрасовских казаков и российских подданных после 1708 г. Особое место среди акторов такой коммуникации занимает Войско Донское: считаю, что нелояльность и нонконформизм донских казаков т.н. постбулавинского периода развивались под влиянием и «некрасовского фактора». Кроме того, интересующие нас шпионы сыграли заметную роль в создании и совершенствовании некрасовцами *новой* для ногайской Кубани системы сбора информации о российских пограничных территориях и об их населении. Подчеркну, что местные кубанские элиты и подвластные им ногайцы *по определению* не могли себе позволить аналогичных форм и методов сбора оперативной и иной информации;

– «антироссийская» деятельность шпионов отвечала не только краткосрочным военным интересам крымцев и ногайцев, но также была выгодна самим некрасовцам, положение которых в течение нескольких лет после 1708 г. оставалось неустойчивым. Некрасовские шпионы принимали деятельное участие в *сманивании* на Кубань российских подданных, многолетний и упорядоченный характер которого позволяет отнести данное явление к одной из наиболее заметных страниц более чем 70-летнего пребывания некрасовцев на Северо-Западном Кавказе. Они информировали потенциальных беглецов о положении дел на Кубани, включая состояние там «старой веры»; агитировали российских подданных к уходу на Кубань, передавали им т.н. прелестные письма от И. Некрасова, разведывали состояние российских войск, укреплений и пр. Таким образом, изучение историй некрасовских шпионов возможно связать не только с обязательствами игнат-казаков по отношению к Гиреям/туркам-османам, скажем, во время военных кампаний против России.

Сказанное позволяет считать заявленную тему не только малоизученной, но также актуальной и перспективной. Цель статьи состоит в исследовании форм, методов и результатов деятельности т.н. шпионов атамана И. Некрасова («шпииков») на территории Российского государства в конкретный исторический период. Ста-

тя написана на основе различной делопроизводственной документации XVIII в., отложившейся, прежде всего, в фондах РГАВМФ, а также других федеральных и государственных архивов России. Расширение источниковой базы исследования возможно за счет детального изучения опубликованных описей «предшественника» РГАВМФ – архива Морского министерства [10, с. 486; 11, с. 116, 436]. Предстоит установить роль и место шпионов в системе «подрывных» действий и мероприятий со стороны некрасовцев по отношению к России, связанных как с их правовым статусом и обязанностями (подданные крымских ханов), так и с собственными (внутригрупповыми) интересами. Особенное внимание стоит в будущем уделить допросам и показаниям пойманных некрасовских шпионов, а также составлению на них сводки биографических и т.п. фактических (персональных) данных. Сегодня можно утверждать, что атаману И. Некрасову принадлежала особая роль в формировании разветвленной шпионской сети, подчинявшейся, главным образом, именно ему. Как будет показано ниже, он общался лично со многими из своих шпионов, снабжал их конкретными заданиями и инструкциями. Одна из гипотез автора состоит в том, что контроль над подобным *ресурсом* всевозможной разведывательной информации способствовал укреплению лидерских позиций И. Некрасова как среди кубанских казаков, так и в глазах крымских ханов и кубанских (ногайских) элит.

Первые годы проживания казаков-некрасовцев на Кубани отличались особой сложностью и трагичностью: приход казаков на эти земли не был согласован с крымским ханом Каплан-Гиреем I; численность казаков регулярно сокращалась (впрочем, по разным причинам – как военного, так и невоенного характера), а расселяться им пришлось сразу по нескольким местам; Россия активно пыталась на протяжении нескольких лет добиться от турецких султанов и крымских ханов выдачи казаков-некрасовцев, либо их нейтрализации другими способами; наконец, имели место внутренние проблемы и, вероятно, конфликты – часть некрасовцев пыталась самостоятельно решать свою судьбу, в т. ч. по разным причинам решаясь уйти с Кубани на территорию Центрального и Северо-Восточного Кавказа [25, с. 234-260; 3, с. 26-34; 13, с. 794, 844]. Недаром хан Аюка сообщал весной 1711 г. о «козаках, которые бежали с Некрасовым, что их много пропало от голоду. Нынешнею де осенью... пришли ис тех казаков в Кабарду с лишком со ста человек и ныне живут в Кабарде» [26, с. 17]. Существенное влияние на дальнейшую судьбу некрасовцев оказала русско-турецкая война 1710-1713 гг. – им пришлось доказывать свою верность как новому крымскому хану – Девлет-Гирею II, так и туркам-османам [2, с. 13-16; 1, с. 6-24; 26, с. 10-18].

В столь непростых условиях Игнату Некрасову – главному лидеру «новых» кубанских казаков, приходилось решать несколько первоочередных проблем. Они были связаны, в первую очередь, с выживанием сразу нескольких казачьих групп, с их перемещением по территории Право- и Левобережной Кубани, с налаживанием отношений с черкесами, с ногайцами и с крымско-османскими властями различного уровня [15, д. 37, ч. 1, л. 98; 17, д. 19, л. 150-151; 27, с. 104; 30, с. 1035]. Особенно интересно то, что зимой 1710-1711 гг. И. Некрасов безрезультатно пытался передать (подарить?) турецкому султану Ахмеду III какую-то группу русских пленников (ранее захваченных под Азовом) [27, с. 87, 88]. Прежде всего, И. Некрасов нуждался в пополнении рядов своих сторонников – в т. ч. за счет новых выходцев с Дона. Против него «работало» множество факторов – от недостатка продуктов питания для казаков и голода в их среде до реализации российской политики, направленной на *прощение* казаков, соглашавшихся принести повинную

[18, д. 28, л. 19, 234, 450; 19, д. 31, л. 68; 13, с. 839]¹ и вернуться на Дон. На протяжении нескольких лет после лета 1708 г. И. Некрасов *лично* со своими казаками появлялся на Дону, в т.ч. на Верхнем Дону: «...для возмущения народа, чтоб они шли к ему на Кубань, а которые не пойдут, и тех он, изменник, хотел рубить» [27, с. 93; см. также: 14, с. 477; 28, с. 395; 19, д. 31, л. 29 об.; 4, д. 797 а, л. 76]. Несмотря на совершаемые некрасовцами уже со второй половины 1708 г. набеги на российские окраины, далеко не все их действия находили поддержку хана Каплан-Гирея и кубанских элит; они даже запрещали казакам ходить под донские городки [12, с. 1060]! А когда некрасовцы стали подбивать кубанцев к участию в разорении «государевых городов», те отказались, указав на мирное состояние русско-крымских отношений. После этого «стало у них (некрасовцев. – Д. С.) происходить слово, что хотят их кубанские владельцы выслать вон...» [16, д. 16, л. 23–23 об.]. Непростая ситуация, связанная с появлением на Кубани большой группы вооруженных казаков, вынудила хана Каплан-Гирея даже обратиться за советом в Стамбул [12, с. 1060]. Вероятно, не сразу сложились отношения у этих казаков со следующим крымским ханом – Девлет-Гиреем II, пытавшимся унять некрасовцев в первой половине 1709 г., но в итоге уклонившимся от их выдачи русскому царю [21, д. 1, л. 6, 13 об. и др.]. Наконец, случались внутренние конфликты в казачьей среде – часть некрасовцев (в т.ч. независимо от И. Некрасова) пыталась определять свою дальнейшую судьбу, в т.ч. предполагая уйти с Кубани на территорию Центрального и Северо-Восточного Кавказа [26, с. 17; 17, д. 19, л. 246; 27, с. 92]. Получив от российских властей одно из увещательных писем, некрасовцы приняли его и прочитали: «...и многие из них хотят идти с повинною, а иные не хотят и говорят: "Что де итти, либо повесят или голову отсекут"» [19, д. 31, л. 68]. А в 1711 г. один вышедший с Кубани казак-некрасовец сообщал, что «ис тех некрасовцев, которые тамо живут (на р. Чигисе и Халтуке. – Д. С.) бурлаками, мыслят притти с повинною; а которые з женами и з детми, не хотят...» [19, д. 31, л. 45 об.].

В научной литературе отмечалось, что И. Некрасов рассылал по донским городкам «свои "прелестные письма"». В марте 1711 г. правительству стало известно, что для "возмущения народа" на Дон, Хопер, Медведицу и в Тамбовский уезд направлено 100 некрасовских "шпиков"» [14, с. 389]. Таким образом, необходимо формулировать дополнительные вопросы по теме исследования, в т.ч. связанные с анализом целей и задач, ставившихся перед шпионами, в т.ч. отличавшихся от «очевидного» значения слова «шпион». Оказывается, что как в разных, так и в одних и тех же случаях шпионы могли подбивать российских подданных к уходу на Кубань; к нападению на другие российские территории; могли находить в России нужных некрасовцам людей, передавать с Кубани т.н. прелестные письма (действуя также, как и *шпионы* гетмана П. Орлика [8, с. 555]); наконец, действительно могли собирать разведывательную информацию о расположении российских войск и т.п. Следовательно, исследователям необходимо дифференцированно подойти к установлению роли и места *неоднородного и разветвленного* шпионства в числе *других* составляющих «воровства» некрасовских казаков. Вопрос о шпионах и других каналах двусторонней коммуникации некрасовцев со своими сторонниками на территории России необходимо изучить системно, связав его с розысками

¹ Правда, нельзя забывать о неоднозначном ответе царя на один из «пунктов» Ф. М. Апраксина от 31 января 1711 г. («Если ис Крыму и с Кубани розных народов люди и от Некрасова донские казаки будут приходить в Азов, и их по прежним указом в прежние их жилища отпускать ли?»). – «Примать и отсылать в Питербурх») [14, с. 49].

(в т. ч. по доносам современников) по делам о планировавшихся побегах, например, с Дона на Кубань и доказанных/недоказанных связях с некрасовцами².

Впечатляющими по своему значению оказались итоги первых лет пребывания некрасовцев на Кубани: российские власти (включая верховную!), всерьез обеспокоились как их военной активностью, так и масштабами подрывной деятельности агентов И. Некрасова – и на Дону, и за его пределами. В канцелярии казанского и астраханского губернатора П. М. Апраксина тщательно собирали сведения о таких людях, действовавших «для возмущения и наговору, чтоб привлечь и других к тамошним вора побегать на Кубань» [18, д. 28, л. 16]. Некоторые задачи Кубанского похода 1711 г. связывались Россией с защитой от «татарев крымских и кубанских воровских казаков» [16, д. 16, л. 8], а также, как указано в другом документе, в целях «укрепления донских казаков от возмущения изменника Некрасова». Источники свидетельствуют о том, что И. Некрасов и его шпионы начали свою подрывную деятельность еще до начала русско-турецкой войны 1710-1713 гг. В мае 1710 г. многочисленная группировка с Кубани (некрасовцы во главе с самим И. Некрасовым, «дикие» калмыки и кубанские татары) появилась в Северо-Западном Приазовье на р. Берде [8, с. 555]. Оттуда И. Некрасов отправил 50 своих человек «в малороссийские города для возмущения и прельщения в народе, чтоб шли к нему, Некрасову, на Берды, а велел сказывать, будто при нем войска 10 000» [8, с. 555]. Один из этих посланцев был вскоре пойман и допрошен [8, с. 555]. Оказалось, что он успел побывать вместе с двенадцатью такими же шпионами в Кременчуге, Власовке, в Голтве, «и в тех городках эсаулом, которые у сотников ходят, сказывали... чтоб они подговаривали людей идти к вору Некрасову» [8, с. 555].

И. Некрасов постарался распространить информацию о своем появлении в полках Гетманщины, в т.ч. в Миргородском и Полтавском. Замечу, что поименованные выше населенные пункты находились далеко от р. Берды, впадавшей в Азовское море. Остальные 38 шпионов И. Некрасова «остались (за Днестром. – Д.С.) на сей стороне для такова ж возмущения и прельщения» [8, с. 555]. О содержании допроса схваченного казака-некрасовца стало известно Г. И. Головкину, оценившему важность полученной информации. Выписку об этом из письма киевского губернатора Д. М. Голицына от 23 июня 1710 г. канцлер приложил к своему письму от 18 июля 1710 г., адресованному адмиралу Ф. М. Апраксину. В частности, Г. И. Головкин отмечал: «Писал ко мне 23-го из Киева князь... Голицын о ведомостях, каковы у него получены (о выходе вора и изменника Некрасова к украинным городам)... о чем изволите, доложу его царскому величеству, в вашей губернии о престоюге того воровства учинить осмотрение» [8, с. 554]. Власти даже обещали государю жалованье за содействие в поимке подобных «возмутителей».

Тема т. н. некрасовских шпионов оказалась быстро переплетена со слухами, обманами, извещениями и т. п. информацией (в т. ч. недостоверной), источники и бытование которой тоже необходимо изучать. Проанализируем расспросные речи некрасовского шпиона и донского казака Г. Терентьева, удостоверенные рукой П. М. Апраксина 14 октября 1710 г. [16, д. 16, л. 23-26 об.]. Этот донской казак рассказал, что он бежал с И. Некрасовым на Кубань из городка Голубые. Ситуация для некрасовцев складывалась в 1710 г. не очень благоприятно: в связи с их набеговой активностью «хотят их кубанские владельцы выслать вон» [16, д. 16, л. 23].

² Такова история беглого российского солдата В. Серого, сообщавшего в 1727 г. о подготовке к побегу на Кубань к И. Некрасову казаков из верхних донских городков [22, д. 18, л. 373-376 об., 424-427 об., 441]. Также см. опубликованные его расспросные речи [29, с. 17-21]. В итоге, беглец и извешчик был жестоко наказан (1728 г.) как раз за ложный (недоказанный?) донос [23, д. 1477, л. 42-73].

Именно поэтому И. Некрасов, «слыша те слова, собрал круг, и умыслили, что для большого воровства собрать людей многое число. И выбрав их Гараску с товарищи десять человек, послали для возмущения на Дон и по всем рекам в казацкие городки, велели говорить, чтоб збирались для походу под государевы города. А он де, Игнашка, собрався с Кубану, хотел к ним итти на Дон же» [16, д. 16, л. 23 об.]. Весной 1710 г. шпионы отправились на Дон. Явившись в Черкасске атаману П. Емельянову, они стали уверять, что «...пришли с Кубани... с повинною [16, д. 16, л. 23 об.]. По словам Г. Терентьева, всех участников группы отправили в Азов, расспросив в тамошней приказной палате. «Проверка» оказалась успешной – из Азова был дан указ о том, чтобы этим людям «жить в казачьих донских городках поволно» [16, д. 16, л. 23 об.]. После этого шпионы вернулись в Черкасск и стали жить в амбаре местного казака.

Следуя *приказу* И. Некрасова, как уточнял Г. Терентьев, он стал подбивать казаков станиц Прибылой, Дурновской, Рыковской, Тетеревой, Скородумовой «и иных многих», чтобы они «забунтовали для воровства с Ёгнашкою Некрасовым, и с ними... пошли заодно разорять государевы города» [16, д. 16, л. 24]. При этом Г. Терентьев утверждал, что его товарищи тоже подговаривали донских казаков к «воровству». На словах донцы якобы не возражали: «...как де придет к ним с Кубани Игнашка Некрасов, и как их братья казаки пойдут, и они с ними пойдут же...» [16, д. 16, л. 24]. Впоследствии, по версии Г. Терентьева, шпионы разошлись по разным местам – сам он, вместе с С. Артемьевым, якобы отправился в Пятиизбянский городок, другие – по рекам Донской земли, включая места, где они проживали до ухода с Дона на Кубань [16, д. 16, л. 25]. План шпионских действий, казалось, был рассчитан на последовательное воплощение в жизнь: «А положено де у них с теми товарищи жить по городкам, и живучи, других на то воровство возмущать и сходитца вместе, как Игнашка с товарищи с Кубани на Дон будет» [16, д. 16, л. 25].

Далее в речах Г. Терентьева описано его совместное с С. Артемьевым следование в Манычский городок, Семикаракорский и Пятиизбянский городки. В этих и других городках (Голубинском, Верхне- и Нижне-Чирском) Г. Терентьев активно общался с местными казаками, подбивая их к «воровству» [16, д. 16, л. 25]. Затем он якобы приехал в Сиротинский городок, где пробыл около восьми недель у казака Ф. Бородин, тесно общаясь о предполагаемом «воровстве» с тамошними казаками. Характерно, что, как в и ряде вышеописанных ситуаций, донцы осторожничали и говорили, что если «братья» с Кубани придут к ним, то они «от своей братьи не отстанут» [16, д. 16, л. 25 об.]. В Иловлинском городке Г. Терентьев стал рассказывать атаману И. Киликову и казакам о том же запланированном «воровстве»: «И тот де атаман с товарищи сказали ему Гараске те ж речи, что сказали вышеозначенные казаки Федка Бороденок с товарищи...». Затем, по словам шпиона, он отправился в Качалинский городок, где жил у своего товарища С. Артемьева, откуда направился в Царицын, «а Сидорка остался в том городке у матери своей!» [16, д. 16, л. 26]. В Царицыне Г. Терентьев занялся другим «воровством», отправившись вверх по Волге на лодке. На территории «Стрельных гор» (ныне – в Самарской области) его с товарищем поймали дмитровские солдаты и доставили в Дмитровск [16, д. 16, л. 26 об.].

В мае 1711 г. адмирал Ф. М. Апраксин написал письмо воронежскому ландрихтеру С. Т. Клокачеву [13, д. 249, л. 260 об. – 261]. Среди прочих повелений там содержалось и следующее: «Немедленно пришли сюда за крепким караулом вора Гараску Терентьева, которой сидит в Таврове под караулом у подполковника Дубенского и для наилучшего охранения послать за ним в провожатых из морских салдат. Сюды ж немедленно прислать заплечного мастера» [13, д. 249, л. 260 об.].

Скорее всего, запрос о присылке Г. Терентьева был связан с долгожданной для властей поимкой его товарищей. Замечу, что искали их долго, в т.ч. на основании нескольких царских указов за весну 1711 г. [18, д. 28, л. 13, 201–201 об.]! Причем, за *каждого* из этих и других пойманных бы и приведенных к властям некрасов-ских шпионов обещалось царское жалованье – «по дватцати рублей» [18, д. 28, л. 14, 21]!

14 мая 1711 г. на Осереде в Адмиральской походной канцелярии давал показания товарищ Г. Терентьева – донской казак Сидорка Артемьев сын Слисков, ранее проживавший в ст-це Качалинской. «А как пришли государева войска для разорения станицы их, и он в то время, убоясь, ушел к вору Некрасову, и застал ево на Чиру, и был с ним на Кубани полтора года. А всех было при нем, Некрасове, казаков, тысячи с полторы» [18, д. 28, л. 234]. Его версия, напрочь отрицающая шпионство в пользу И. Некрасова, выглядела следующей: «...он, Сидорко, зговорясь с казаками Качалинской же станицы с Ёвком Фоминым, сыном Атаршиковым, да с сыном ево Ивашкою, с Тимошкою Агафоновым, сыном Пестунухиным, с Агафонком Кондратьевым, сыном Чурою, со Власкою Кузминым, сыном Верхоглядовым, Илавлинской станицы с Ёвашкою Киликовым [которой взят был в неволю от калмык и продан был на Кубань], Паншинской станицы с Федотом Чернобровниковым, з Донца с Гараскою, да с Елфимкою... бежали утайкою, сказались, будто пошли делать лоток (т. е. лодок. – Д. С.)» [18, д. 28, л. 234-234 об.]. По словам С. Артемьева, они явились в Черкасске к атаману П. Емельянову с повинной, отправившему двух человек из их группы в Азов, «а из Азова прислали в Черкасской, и ис Черкаского отпустили их жить по-прежнему в дома, где кто жил». С. Артемьев настаивал на том, что «...как ушли они с Кубани, вор Некрасов про то не ведал, и ничего с ними не приказывал, и пришли они не для воровства какова, толко в винах своих... с повинною» [18, д. 28, л. 234 об.]. Свою историю случившегося представил еще один участник группы – казак ст-цы Качалинской И. Иевлев, ушедший на Кубань с И. Некрасовым в 1708 г. вместе с отцом и еще с тремя казаками [18, д. 28, л. 235-235 об.]. По словам Иевлева-младшего, «...в прошлом году, в Великой пост Качалинского городка казак Иван Осипов приехал к ним на Кубань для выкупу ис полону матери своей». Он сказал, «чтоб они шли по-прежнему в дома свои для того, что де государь милостив, в вине вашей простит. И они де Ивашко с отцом своим и с вышеписанными товарищи, да с ним же де на Кубани пристал Гараска Терентьев, которой живал в городке Голубых, утаясь от вора Некрасова, ушли в Черкаское и явились атаману Петру Емельянову с повинною» [18, д. 28, л. 235-235 об.]. После расспроса двух человек в Азове все члены группы, получив соответствующие грамоты от Войска Донского (судя по всему – о прощении вины), «с теми грамотами пошли по домам». Иевлев-старший, а также «Агафощка Кондратьев сын Чюра, Тимошка Агафонов» рассказали то же самое, что и Иевлев-младший [18, д. 28, л. 235 об.]. Кроме того, были допрошены В. Мигоглазов, И. Дьячок (Киляков), рассказавшие о тех разных обстоятельствах, которые и их привели на Кубань. Что касается причин ухода с Кубани на Дон, то слова указанных выходцев вполне корреспондируют с версией Иевлева-младшего [18, д. 28, л. 236 об.-237].

24 мая 1711 г. все «вышеписанные воры» были «объявлены порознь» Г. Терентьеву: результаты очных ставок оказались неожиданными... С одной стороны, этот казак подтвердил, что знает допрошенных людей, и что все они, кроме одного, «с Некрасовым в воровстве были» [18, д. 28, л. 237]. С другой стороны, он отказался («запирался») от своих показаний 1710 г., заявив: «А что де он... в роспросе сказал, что вор Некрасов, на Кубани собрав круг, выбрав их, Гараску, с вышеписанными товарищи, и послан на Дон и по всем рекам для возмущения... за-

пирался, а сказал: говорил де он тогда в роспросе своем, убоясь пыток» [18, д. 28, л. 237]. Чем закончилась эта запутанная «шпионская история» для ее многочисленных участников – пока неизвестно... Выскажу предположение о том, что бо́льшая часть показаний Г. Терентьева (относящаяся к теме шпионства) могла не соответствовать действительности, и что на допросе в 1710 г. он говорил об этом неправду. Косвенные аргументы в пользу данного предположения такие: чтобы сохранить жизнь и подтвердить свою правоту, казаку необходимо было стойко стоять на своем в 1711 г. А он, между тем, стал отказываться от слов, сказанных в 1710 г.! Перечень имен «воров», озвученных Г. Терентьевым в 1710 г. [16, д. 16, л. 24-24 об.], не совпадает с составом группы, задержанной на Дону и позже допрошенной. Хотя, во время очных ставок Г. Терентьев подтвердил, что знает каждого из представленных ему людей. Наконец, отказываясь от своих ранних показаний, Г. Терентьев мог действовать под влиянием вполне очевидного фактора – против него показали *все* допрошенные «шпионы». При этом, трудно предположить, что у этих людей имелись какие-то особенные причины оговорить *именно* Г. Терентьева.

12 марта 1711 г. из Тамбова в Воронеж к графу Ф. М. Апраксину доставили четырех некрасовских «шпииков» – Г. Ушакова, И. Киселева, Д. Бучнева, М. Калыхалина [18, д. 28, л. 19 об.]. В ходе расспросов и пыток они рассказали, что, что были присланы «для возмущения по Дону, по Хопру и по Медведице». Далее в документе перечислены имена донских казаков из разных станиц, которые «советовались с ними ж ворами и хотели к тому ж воровству наговаривать и бежать на Кубань» [18, д. 28, л. 20]. Важно отметить, что пойманы были не все шпионы, «а иных таких же» было отправлено с Кубани «блиско ста человек», что следовало из показаний самих некрасовцев [18, д. 28, л. 20]. 14 марта 1711 г. граф Ф. М. Апраксин сообщал Г. И. Головкину о присылке ему из Тамбова в Воронеж еще «дву присланных от Некрасова шпииков, которые в роспросех и с пыток в Тамбове сказали, что их розослано для возмущения по Дону, и по Хопру, и по Медведице, и на Украину в Тамбовской и в Козловской уезды, и на Воронеж сто человек, о чем подлиннее по отпуске сего писма начну роспрашивать и пытать... Зело опасно, чтоб оные проклятые воры не учинили какой злой безделицы» [14, с. 434]. Обращаю внимание на то, что реакции российских властей на известия о шпионах были жесткими и решительными – даже очередное приведение донских казаков «ко кресту» весной 1711 г. предполагало, как писал в марте Ф. М. Апраксин, что «ежели для возмущения такие воры где есть или впредь явятца, чтоб таких воров ловили и приводили ко мне, за что им обещал государева жалованья» [14, с. 435]. Не исключено, что речь шла об указе на Дон за подписью и печатью Ф. М. Апраксина от 11 марта 1711 г., анализируемом ниже по тексту. Царским же указом от 10 марта 1711 г. Войску Донскому повелевалось прислать в Азов из Черкаска пойманных на р. Медведице «воровских казаков, которые присланы были для возмущения от вора Игнашки Некрасова...», а также «воров... и единомышленников вора Сенки Кобылского, Кобылскова городка, и других станиц казаков, Савинку Чорина с товарищи» [18, д. 28, л. 19]. С. А. Козлов писал об организации Войском Донским кампании в 1710 г. по поимке таких «изменников», оказавшейся малоэффективной – «большинство некрасовцев беспрепятственно ушло на Кубань» [6, с. 166-167]. Удалось схватить лишь четверых некрасовцев, которых «для страху, чтоб иным воровать и к воровским людям приставать было неповадно... при тех городках казнили смертью» [6, с. 167]. Уточню, что в тех событиях (не считая сюжета с поимкой С. Чорина и его товарищей) оказались замешаны не столько некрасовцы, сколько другие «воровские» казаки, ходившие с Дона на Волгу («...и с Волги хотели идти на Кубань»), а также казаки Войска Дон-

ского [18, д. 28, л. 2]. Верные царским властям донцы (около 300 чел.) организовали за ними погоню до р. Иловли, поймав шестерых «воров». Иным «воровским» казакам удалось уйти, а четверо пойманных донцов были Войском казнены «для страху» [18, д. 28, л. 2 об.]. Тот же указ от 10 марта 1711 г. повелевал Войску Донскому разослать письма по городкам о поимке впредь таких же «воров» и «возмутителей» и об отправке их в Воронеж или в Азов [18, д. 28, л. 3]. При этом власти заранее объявляли о *будущем* наказании для всех лиц, сочувствующих «изменникам»: «А в которых городках у кого приставать будут, и тех воров разоряли и пожитки их, хто таких воров изловит, имали и делили по себе» [18, д. 28, л. 3 об.].

Указ же от 11 марта 1711 г. определял, что в связи с «воровством» на Дону И. Некрасова и С. Кобыльского Войску Донскому надлежало отправить по Дону, по Северскому Донцу и по запольным речкам своих старшин, чтобы «привести во всех станицах атаманов и казаков ко кресту и Евангелию, что им великому государю служить верно и ни х какому воровству и к возмущению не приставать...»; присланных же «от воров и изменников Игнашки Некрасова и Сенки Кобыльского с товарищи для возмущения» надлежало «ловить и присылать в Азов или на Воронеж, где будет обретатца адмирал... Феодор Матвеевич Апраксин» [18, д. 28, л. 19]. Приведение донских казаков «ко кресту», судя по всему, началось с Черкаска («без всякого упорства» [14, с. 477; 18, д. 28, л. 28-28 об.]), продолжившись в казачьих городках под просмотром двух офицеров от Ф. М. Апраксина и И. А. Толстого – Ф. Подошевникова и М. Ананьина [17, д. 19, л. 28 об., 171-172]. Ф. Подошевников позже докладывал, что присяга прошла спокойно – «все крест целовали без всякого сумнительства...», не считая известий о почти 50 чел. недовольных, в т.ч. намеревавшихся бежать (бежавших?) на Кубань [17, д. 19, л. 171 об.-172]. Но в целом, как отмечал Ф. Подошевников, казаки говорили, что будут государю «служить... верно, и к Некрасову на Кубань не пойдут, и к ево воровству приставать не будут. И есть ли, какой изменник явитца в их городках или от Некрасова присланные будут для возмущения к ево воровству, и тех воров хотели, имая, приводить в войско в Черкаской» [17, д. 19, л. 171 об.].

Апрельским указом 1711 г. Войску Донскому повелевалось, чтобы казаки «по верной своей службе чинили по прежде посланным... указом, не допуская до такого проклятых зломышленников намерения, по всем городкам... послали свои войсковые указы, чтоб они вышепомянутых воров, которые присланы для возмущения от воров Некрасова и от Сенки Кобыльского... ловили и присылали за крепким караулом, где обретатца будет... господин адмирал. А кто таких воров поймает или уведав о них известит, и тем будет его великого государя милость и жалованья дано, за всякого человека по дватцати рублей» [18, д. 28, л. 20 об.-21]. Несколько позже, 21 мая 1711 г., граф Ф. М. Апраксин докладывал царю о поимке «присланных от вора Некрасова шести человек шпионов... о которых Вашему Величеству доносил письменно брат мой; и уже оных в руках моих восемь человек, только не могу сыскать двух человек...» [9, с. 105]. В письме на имя царя от 5 мая 1711 г. граф Ф. М. Апраксин отметил, что одного шпиона – «для страху другим» – он «повесил за ребро, а другова за ногу» [14, с. 477].

Другим апрельским указом 1711 г. Войску Донскому напоминалось о необходимости доставлять «воров» и «возмутителей», говоривших непристойные слова о царе и присылаемых «от вора и изменника Игнашки Некрасова по Дону, и по Медведице, и по Хопру для возмущения и наговору, чтоб привлечь и других к такому ж воровству и бежать на Кубань» [18, д. 28, л. 16]. 16 апреля 1711 г. в г. Тавров были присланы три таких казака – Б. Ремень, В. Коверинский, М. Кожевников, ранее проживавшие в Пристанском городке и рассказавшие, что с ними в «воровстве» состояло еще семь казаков из ст-ц Беляевской, Пристанской,

Урюпинской, Глазуновской, а также Бузулуцкого городка [18, д. 28, л. 16-16 об., 126-126 об.]. В других документах архивного дела из РГАВМФ содержится расширенный список казаков, причастных к данному «воровству» (помимо, собственно, некрасовских шпионов), состоявший из нескольких десятков человек, включая некоего «попа Бориса» [18, д. 28, л. 25-25 об.].

Окончание в следующем номере.

Список литературы

1. Аваков, П. А. (2012). *Казаки-некрасовцы в русско-турецкой войне 1710-1713 гг.* // Вести Донского края: Сборник статей. Азов: Издательство Азовского музея-заповедника. С. 6-24.
2. Аваков, П. А. (2014). *Жизнь казаков-некрасовцев на Кубани в 1710-1711 гг. в свете новых данных* // Научное наследие профессора А. П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки (к 95-летию со дня рождения выдающегося российского ученого): материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 4-5 апреля 2014 г.) / отв. ред. М. Д. Розин, Д. В. Сень, Н. А. Трапш. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования. С. 12-18.
3. Аваков, П. А. (2015). *«И живут во всяком непорядке...»: Документы РГАВМФ о жизни казаков-некрасовцев на Кубани. 1711 г.* // Исторический архив. № 4. С. 26-34.
4. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф.55. Оп.1. Д.797 а.
5. Дмитренко, И. И. (1899). *К истории некрасовцев на Кубани* // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Вып. 1. С. 65-68.
6. Козлов, С. А. (2002). *Кавказ в судьбах казачества (XVI-XVIII вв.)*. СПб.: Историческая иллюстрация. 288 с.
7. Короленко, П. П. (1900). *Некрасовские казаки. Исторический очерк, составленный по печатным и архивным источникам* // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Вып. II. С. 1-74.
8. Материалы о восстании на Дону и в Центральной России // Материалы по истории СССР / отв. ред. А. А. Новосельский и др. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. V (Документы по истории XVIII века).
9. [Мышлаевский, А. З.] (1898). *Война с Турцией 1711 года. (Прутская операция): материалы извлеченные из архивов*. СПб.: Военная Типография. 359 с.
10. Описание дел архива Морского министерства за время с половины XVIII до начала XIX столетия. Т. I. СПб., 1877. 760 с.
11. Описание дел архива Морского министерства за время с половины XVIII до начала XIX столетия. Т. II. СПб., 1879. 844 с.
12. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 8. Вып. 2. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. 774 с.
13. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9. Вып. 2. М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. 1093 с.
14. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 11. Вып. 1. (январь – 12 июля 1711 г.). М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. 610 с.
15. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. 177. Оп. 1. Д. 37. Ч. 1.
16. РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 16.
17. РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 19.
18. РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 28.

19. РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 31.
20. РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 249.
21. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 123. Оп. 1. 1709 г. Д. 1.
22. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 20. Оп. 47. Д. 18.
23. РГВИА. Ф. 20. Оп. 47. Д. 1477.
24. Сень, Д. В. (2002). *«Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.)*. Издание 2-е, исправленное и дополненное. Краснодар: Кубанькино. 286 с.
25. Сень, Д. В. (2009). *Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XVIII в.)*. Ростов н/Д.: Издательство Южного федерального университета, 280 с.
26. Сень, Д. В. (2012). *Верность, вера и война: начало жизни и служения казаков-некрасовцев на Кубани* // Казарла. Этнический казачий журнал. №4 (12). Август. С. 10–18.
27. Служба донских казаков. Отставные казаки Войска Донского. 1777 год: материалы по истории и генеалогии казачества / автор-составитель В. А. Гусев. Волгоград: б/и., 2019. Вып. 12. 392 с.
28. Служба донских и яицких казаков, XVII–XVIII века: материалы по истории и генеалогии казачества / автор-составитель В. А. Гусев. Волгоград: б/и., 2020. Вып. 13. 400 с.
29. [Фелицын, Е. Д.] (1904). Сборник архивных документов, относящихся к истории Кубанского казачьего войска и Кубанской области. Екатеринодар: Кубанский областной статистический комитет. Т. 1. 306 с.
30. Эварницкий, Д. И. (1908). Источники для истории запорожских казаков. Владимир: Типо-литография Губернского правления. Т. I. 1072 с.

References

1. Avakov, P. A. (2012). *Kazaki-nekrasovtsy v russko-turetskoy voyne 1710-1713 gg.* [Nekrasov Cossacks in the Russian-Turkish War of 1710-1713] in *Vesti Donskogo kraia: Sbornik statey*. Azov, Izdatel'stvo Azovskogo muzeya-zapovednika, 6-24. (in Russian).
2. Avakov, P. A. (2014). *Zhizn' kazakov-nekrasovtsev na Kubani v 1710-1711 gg. v svete novykh dannykh* [The life of the Nekrasov Cossacks in the Kuban in 1710-1711 in the light of new data] in *Nauchnoe nasledie professora A. P. Pronshteyna i aktual'nye problemy razvitiya istoricheskoy nauki (k 95-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya rossiyskogo uchenogo): materialy Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Rostov-na-Donu, 4-5 aprelya 2014 g.)*, otv. red. M. D. Rozin, D. V. Sen', N. A. Trapsh. Rostov-on-Don, Fond nauki i obrazovaniya Publ., 12-18. (in Russian).
3. Avakov, P. A. (2015). *«I zhivut vo vsyakom neporyatke...»: Dokumenty RGAVMF o zhizni kazakov-nekrasovtsev na Kubani. 1711 g.* ["And they live in every trouble...": RGAVMF documents about the life of the Nekrasov Cossacks in the Kuban. 1711] in *Istoricheskiy arkhiv*, 4, 26-34. (in Russian).
4. Dmitrenko, I. I. (1899). *K istorii nekrasovtsev na Kubani* [To the history of Nekrasov Cossacks in the Kuban] in *Izvestiya Obshchestva lyubiteley izucheniya Kubanskoy oblasti*, 1, 65-68. (in Russian).

5. Kozlov, S. A. (2002). *Kavkaz v sud'bakh kazachestva (XVI-XVIII vv.)* [Caucasus in the fate of the Cossacks (XVI-XVIII centuries)]. St. Petersburg, Historical illustration Publ. (in Russian).
6. Korolenko, P. P. (1900). *Nekrasovskie kazaki. Istoricheskiy ocherk, sostavlenyy po pechatnym i arkhivnym istochnikam* [Nekrasov Cossacks. Historical sketch, compiled from printed and archival sources] in *Izvestiya Obshchestva lyubiteley izucheniya Kubanskoy oblasti*, II, 1-74. (in Russian).
7. Sen', D. V. (2002). *«Voysko Kubanskoe Ignatovo Kavkazskoe»: istoricheskie puti kazakov-nekrasovtsev (1708 g. – konets 1920-kh gg.)* ["Voysko Kubanskoe Ignatovo Kavkazskoe": the historical paths of the Nekrasov Cossacks (1708 – the end of the 1920s). 2nd edition, revised and enlarged. Krasnodar, Kubankino Publ. (in Russian).
8. Sen' D. V. (2009). *Kazachestvo Dona i Severo-Zapadnogo Kavkaza v otnosheniyakh s musul'manskimi gosudarstvami Prichernomor'ya (vtoraya polovina XVII v. – nachalo XVIII v.)* [Cossacks of the Don and the North-Western Caucasus in relations with the Muslim states of the Black Sea region (second half of the 17th century – the beginning of the 18th century)]. Rostov-on-Don, SFU Publ. (in Russian).
9. Sen', D. V. (2012). *Vernost', vera i voyna: nachalo zhizni i sluzheniya kazakov-nekrasovtsev na Kubani* [Loyalty, faith and war: the beginning of life and service of the Nekrasov Cossacks in the Kuban] in *Kazarla. Etnicheskiy kazachiy zhurnal*, 4 (12), avgust, 10-18. (in Russian).